

Книга К. Уолтера – одна из первых крупных работ, посвященных изучению влияния внутренней жизни церкви на развитие иконографии. Главный объект исследований Уолтера – изображения святителей и церковных обрядов, т.е. те изображения, которые могут являть собой образ церкви в изобразительном искусстве. Уолтер показал, что переломным этапом в развитии самосознания византийской церкви и, следовательно, в развитии иконографии является XI в. Автор отдельно рассматривает изображения святителей и церковных обрядов в миниатюрах рукописей и в составе программ храмовой декорации. Такое разделение материала оправдывается различным функциональным назначением этих двух видов изображений: для использования внутри церкви и для декларации основных положений учения. В иконографии обоих видов изображений, как показывает автор, после победы иконопочитания происходят радикальные изменения. Этот процесс может быть охарактеризован как клерикализация иконографии; в его основе лежит увеличение веса церкви в византийском обществе и новое осознание церковью своей роли в домостроительстве спасения. На развитие этих тенденций в иконографии храмовой декорации оказала влияние традиция богословских комментариев на божественную литургию, особенно “Сказание о церкви и объяснение таинств” св. Германа Константинопольского. С XI в. композиция Евхаристии становится одним из центральных образов храмовой декорации, а в рукописях изображения святителей и церковных обрядов постепенно занимают главенствующее положение.

В гл. 1 (“Значение епископских облачений”) Уолтер рассматривает фигуру епископа в литургических облачениях как образный знак, являющийся ключевым для темы церкви в постиконоборческом искусстве. Автор подробно разбирает историю возникновения и символику епископских облачений. Анализируя изменения в их иконографии, он показывает, как постепенно увеличивалось значение литургических функций епископа. Появление полиставриона и саккоса в поздневизантийских изображениях некоторых святителей и патриархов отражает заботу церкви об утверждении своего главенства в мире. Наиболее ярким проявлением этой тенденции стало изображение в композиции Евхаристии Христа в саккосе (с XIV в.).

Гл. 2 (“Богослужение и обряды в византийских миниатюрах”) посвящена определению круга композиций, в которых изображались святители и обряды в миниатюрах различных видов рукописей (на фронтисписах, в хрониках, в повести о Варлааме и Иоасафе, в житиях святых, в литургических календарях, в Ветхом и Новом Завете, в богослужебных книгах, в гомилиях и в теологических трактатах). Автор приходит к выводу, что образы святителей встречаются либо в житийных циклах (сокращенных иногда до одной миниатюры), либо в изображениях церковных обрядов. Набор композиций и иконографических типов в рукописях достаточно стабилен и во многом определяется античными традициями книжного иллюстрирования. Самое большое количество иконографических нововведений – среди миниатюр комментирующего характера. С XI в. сильно увеличивается количество изображений церковных обрядов в лекционариях, житиях святых и в списках Слов Григория Назианзина, предназначенных для литургического использования. Эти композиции начинают занимать место евангельских сцен.

В гл. 3 (“Житийные циклы. Мудрость святителей”) Уолтер анализирует циклы житий святителей. Полные житийные циклы очень редки (сохранились только циклы миниатюр к житиям Григория Назианзина и Василия Великого в рукописи Парижской национальной библиотеки гр. 510 и около 30 житийных циклов св. Николая XI–XV вв.). Чаще встречаются сокращенные циклы или изображения отдельных эпизодов. Это отражает тот факт, что в Византии не было широкого всенародного почитания святителей (кроме трех великих святителей и св. Николая, который почитался скорее как чудотворец). С XI в. в миниатюрах особо подчеркивается мудрость святителей, выделяющая их из всех остальных чинов святых. Это приводит к созданию особого иконографического типа – композиции “Премудрость Иоанна Златоуста”. Также с XI в. все большее значение приобретают темы молитвы, милосердия, проповеди, учения и вдохновения святителей, победы добра (в их лице) над злом и православия над ересями.

В гл. 4 рассматривается иконография изображений византийских церковных обрядов (освящающих переход человека в новое состояние или облегчающие переход души христианина в жизнь вечную). Та-

кие обряды, как коронация и венчание, входят к придворному церемониалу. Их изображения чаще всего встречаются в хрониках и имеют чисто исторический или биографический характер. Изображение крещения обычно означало обращение в христианство и также наиболее часто помещалось в хрониках или в текстах житий. Рукоположение в епископы (встречается наиболее часто из всех изображений поставления в сан) – композиция, общая для житийных циклов всех святителей, так же как и крещение. Во всех перечисленных случаях композиция строится вокруг значимого жеста священника. Общая тенденция клерикализации выражается в увеличении числа сцен с участием епископов (хотя не во всех обрядах оно обязательно) и в появлении изображений предметов церковного обихода: свечей, кадил, богослужбных книг. Но наиболее ярко рост осознания церковью ее важности в жизни мира отразился в иконографии изображений обрядов, связанных со смертью и погребением. Если в ранневизантийском искусстве для изображения смерти персонажа обычно использовали античные иконографические схемы оплакивания умершего у его смертного одра, погребальной процессии или погребения, то к XI в. эти композиции постепенно вытеснило изображение обряда выставления тела умершего на парадном ложе (греч. *πρόθεσις*). Ритуальный характер этой композиции придает изображению вокруг ложа умершего священнослужителей со свечами, кадилами и богослужбными книгами; иногда изображается *σπλάσος* – целование умершего. В XIV в. композиция *πρόθεσις* часто превращается в изображение панихиды: священники (как правило епископы) изображаются читающими текст заупокойной службы. Уолтер предполагает, что композиция *πρόθεσις* сначала использовалась в иконографии Успения Богородицы, а с XI в. стала использоваться для изображения успений всех святых. Восходящие к античности иконографические типы несения тела и погребения стали использоваться для изображения перенесения мощей или реликвий и положения их в раку или реликварий. Для изображения встречи мощей использовалась иконографическая схема *Adventus*, причем обычно в этих композициях изображались реальные исторические лица – императоры, патриархи и епископы. Сохранилось также несколько изображений поклонения реликвиям.

В гл. 5 рассматриваются важнейшие изменения в системе храмовой декорации. Глава состоит из трех частей: формирование святительского чина, появление в апсидах тем, связанных с литургией, и развитие апсидных программ с XI в.

Изображение святых по чинам происходит от античной традиции изображения групп философов, предков и чиновников. Впервые святители, объединенные в группы, появляются как предки местной церкви в Риме, Равенне и Неаполе. Выделение святых епископов в отдельный чин происходит благодаря их функции учителей и защитников православия на основе иконографии вселенских соборов (Рим, Санта Мария Антиква). Чин святителей, как таковой, впервые появляется в Софии Константинопольской, где святители занимают свое место в небесном чиновничестве вместе с ангелами, праотцами, пророками, апостолами и евангелистами. В IX–X вв. святительский чин иногда помещается в апсиде (например, в каппадокийских церквях). В XI в., когда апсидные программы приобретают ярко выраженный литургический смысл, место святительского чина в апсиде прочно закрепляется.

Литургические темы присутствовали в апсидах ранневизантийских храмов в скрытом виде: изображение поднесения Христу даров, сцены ветхозаветных жертвоприношений, поклонения и заступничества святых за человеческий род. Изображения тайной вечери или причащения апостолов появились уже в раннехристианском искусстве, но до XI в. они не помещались в апсиде. Решающее влияние на введение в программу апсиды композиции Евхаристии оказало распространение традиции толкования божественной литургии и в связи с этим новое осознание церковью важности ее роли в домостроительстве спасения. По мнению автора, уже к X в. существовали предпосылки для реструктурирования апсидных программ в духе их литургизации. Кульминационной точкой в развитии этих тенденций в иконографии стали программы Софии Киевской и Софии Охридской, в которых рассеянные дотеле элементы сложились в стройную систему, соответствующую мировоззрению эпохи.

С конца XI в. апсидные программы также развивались в духе клерикализации. Главными нововведениями являются композиция службы святых отцов и изображение Христа в виде вселенского патриарха. Оба сюжета отражают идею, ставшую теперь главной:

соотношение земной церкви и небесной. Композиция службы святых отцов появляется впервые в храмах в Велюсе и Куцовендиссе. Изображение Христа в композиции Евхаристии в виде вселенского патриарха, т.е. в саккосе, встречается с XIV в. Параллельно развивается тема небесной литургии. В ранневизантийской иконографии эта тема присутствовала в виде ангелов в императорских облачениях, поклоняющихся видению Христа во славе или Богородице на престоле. Затем ангелы, облаченные в диаконские стихари и орари, появляются в композиции Евхаристии. С XIV в. небесная литургия приобретает вид Великого Входа. Таким образом, в поздневизантийской иконографии сложилась система, полностью отражающая представление об устройстве вселенной как об иерархии служений: Христу служат и ангелы, и апостолы, и святители, и земная церковь, являющая образ небесной церкви.

К гл. 5 сделаны три приложения, посвященные иконографическим программам каппадокийских церквей X в., развитию чина проскомидии и чина мелизмос (раздробление Агнца).

В заключении, подводя итоги своего исследования, Уолтер еще раз подчеркивает, что рассмотренные им изменения в иконографии отражают основные этапы становления византийской эkkлeсиологии. Переломным периодом является XI в., когда произошла смена многих иконографических типов, базировавшихся на античных традициях, на изображение в той или иной форме церковных обрядов. За этими изменениями стоит переосмысление всей концепции христианского мира; роль предводителя на пути спасения перешла от императора к церкви, осуществляющей важнейшее таинство христианства – причастие.

А. Захарова

Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords / Ed. du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1991.

Книга Катрин Жоливе-Леви представляет собой полный свод описаний сохранившихся иконографических программ апсид каппадокийских пещерных храмов VII–XIII вв. Это фундаментальное исследование – результат многолетней кропотливой работы по уточнению, дополнению и систематизации огромного количества данных, накопленных за все время изучения византийской живописи в Каппадокии. Автор лично посетила большинство каппадокийских храмов и представила в своем исследовании достоверные, подробные и нередко новые сведения. Ее книга значительно облегчает дальнейшее изучение и использование каппадокийского иконографического материала, затрудненное из-за разнородности и противоречивости (особенно в вопросах датировок) многочисленных публикаций, отсутствия письменных источников, труднодоступности памятников и путаницы в топонимах. Автор не ставит своей задачей рассмотрение вопросов стиля, доказательство датировок или углубленную интерпретацию иконографии каждой из опубликован-

ных росписей. Тем не менее Жоливе-Леви сделала очень много ценных комментариев и выводов.

Для удобства публикации автор разбила материал по географическому принципу на восемь неравных глав. Гл. 1 посвящена 19 церквям в районе деревни Чавушин (Çavuşin). Сначала описаны храмы в долине Зельве (Zelve), затем два храма близ Чавушина и далее храмы в долинах Гюллю дере (Güllü dere), Кызыл Чукур (Kızıl Çukur), Зинданёну (Zindanönü), Мескендир (Meskendir) и два недавно открытых храма в долинах Каваклы дере (Kavaklı dere) и Хал дере (Hal dere). Гл. 2 самая большая описывает храмы, расположенные вблизи двух поселков к югу от Чавушина: Авджиляр (Avcılar) и Гёреме (Göreme) – соответственно 8 и 30 церквей. В гл. 3 исследуются все остальные храмы района города Ургюп (Ürgüp), расположенные в алфавитном порядке названий турецких деревень, близ которых они находятся. Две маленькие главы посвящены церквям малоизученных районов Гюльшехира (Gülşehir) и Кесарии (Kayseri). В гл. 6 даны описания